

УДК 330

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОТОБРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

Обсуждается роль пространства в решении проблем экономического развития. Констатируется факт, что пространство способно играть роль дополнительного фактора активизации национальной макроэкономической динамики в случае, если в регионах будет максимально улучшена инвестиционная ситуация и создан режим наибольшего благоприятствования для функционирующих экономических агентов. Это возможно в случае преодоления трех принципиальных ограничений: изменения общей экономической парадигмы в России; необходимости реальных инвестиций на уровне регионов; отказа от лидирующей роли в национальной экономике государственного спроса.

Пространственный ресурс, национальное экономическое развитие, дихотомический подход, национальная пространственная стратегия, Россия.

DOI: 10.14530/se.2016.4.007-012

Ухудшающиеся перспективы изменения национального экономического тренда, которые связаны не столько с внешними (низкие цены на экспортное сырье, финансовые санкции и дефицит дешевых денег для инвестиций, блокирование технологического обмена, точнее – технологических заимствований), сколько с внутренними (низкий уровень инвестиционных мотиваций, недоверие частного бизнеса, низкий уровень внутреннего спроса, высокая степень монополизации, низкая производительность труда, плохой менеджмент, зарегулированность экономики) причинами, стимулируют поиски «философского камня», который должен чудесным образом превратить длящуюся уже шестой год стагнацию национальной экономики в стремительный подъем при одновременной качественной модернизации структуры и технологической базы.

Таким философским камнем не стали ни государственные инвестиционные мегапроекты, ни государственные корпорации, ни «институты развития», ни многочисленные отраслевые и функциональные стратегии и про-

граммы. Похоже, что остался единственный ресурс для рывка, который до сих пор напрямую не задействован, – пространство. Тем более, что это большой ресурс (17 млн км²) и до сих пор использовавшийся исключительно пассивно в качестве «системы мест», площадей для размещения экономической деятельности. Решения относительно того, что и как размещать, что и как развивать, принимались центральным органом планирования и власти. Единственным типом экономических отношений были отношения «по вертикали». При этом ничего по существу не изменилось в связи с квазипереходом к квазирыночной экономике. По-прежнему отношения «по вертикали» представляют из себя традиционные «указания» и «решения» государственного центра, который не перестал быть центром экономических решений относительно того, как и что делать на уровне регионов.

Это определяет неприкосновенность до настоящего времени общего воззрения на пространство как на систему «мест», которым извне (вне самих мест) «вменяются» их облик и траектория развития. Это удобно в рамках общей парадигмы демократического централизма в управлении. Но это в принципе исключает возможность активизации пространственного фактора общественного развития.

Активизация влияния пространственного фактора на национальное экономическое развитие теоретически возможна в случае явного перехода в практике управления на позиции пространственной дихотомии: «пространство квант» – «пространство волна», «пространство – совокупность мест» – «пространство – система отношений» [1, с. 42].

При этом под отношениями понимаются как минимум две их группы.

Во-первых, отношения «вертикальные» или отношения во внешнем для регионов контуре. Таковы отношения, реализуемые в форме геополитических, социальных, экологических, институциональных, экономических решений экономического и политического центра относительно отдельных регионов (мест) и относительно пространственной структуры в целом (определение приоритетов отдельных мест), отражающих уровень ее разнообразия и конкретные цели общества и власти в данный период времени и при данных условиях внешней и внутренней среды. Особенностью экономических отношений и решений при этом является то, что они касаются исключительно действий и проектов, обеспечивающих внешнеэкономические задачи государства в данном регионе или в данной точке пространства (магистральная инфраструктура, оборонный комплекс, коммунальная и социальная инфраструктура, экологические проекты, образование, здравоохранение, культура, наука и т. п.). Конечно, это не означает, что подобная деятельность является исключительной прерогативой центра, региональные власти также являются субъектами подобных решений и проектов в той

степени, в которой позволяют находящиеся в их распоряжении ресурсы, и настолько, насколько федеральные приоритеты совпадают с приоритетами собственно региональными.

Во-вторых, отношения «горизонтальные», которые касаются как собственно экономических, так и внеэкономических аспектов деятельности на территории. В экономической сфере это преимущественно, а иногда и исключительно отношения и решения функционирующих на данной территории экономических агентов. Эти отношения и решения формируют сетевую структуру пространственной экономической деятельности. В эти сетевые взаимодействия, которые генерируют агломерационные эффекты, включаются и встраиваемые в экономику соответствующего региона агенты, порождаемые решениями и проектами, активизируемыми в рамках «вертикальных» отношений.

«Вертикальные» (иерархические) отношения определяют пространственный ресурсно-институциональный каркас национальной экономики, ее инфраструктурный потенциал как глобального экономического агента. «Горизонтальные» (сетевые) отношения определяют структурно-динамические и технологические характеристики субнациональных экономик, а в конечном счете и национальной экономики в целом.

Применительно к решению задач «на ускорение» и «модернизацию», полагая эту двуединую задачу стратегической целью для национальной экономики, вышеизложенное означает, что дискуссии об очередности изготовления пространственных стратегий, имея в виду национальную стратегию и стратегии развития регионов, схоластичны и не имеют отношения к содержательному решению упомянутой задачи. Сам факт декларирования законом о стратегическом планировании [2] разработки и национальной и региональных стратегий пространственного развития свидетельствует о приверженности исключительно иерархическому мышлению как разработчиков закона, так и идеологов представления пространства в качестве «последней надежды». Бесплодная механистичность макроэкономических упражнений, основанных на принципе «или – или»: или частный бизнес, или государственное регулирование – привела, в конечном счете, к провалу и в той, и в другой области, не позволив получить эффекта синергии от взаимодействия этих двух начал в экономике. Теперь эти же идеологи, которые еще вчера были главными «гонителями» пространственного аспекта государственной экономической политики, превратились в наиболее рьяных адептов пространственной идеологии и возглавили официальный «поворот к регионам». И теперь этот поворот может дискредитировать пространственный аспект макроэкономики, благодаря опять же механистическому пониманию пространства вообще и пространственной политики в частности.

Диалектическим подходом к пространственному развитию, который в состоянии обеспечить реальное решение задачи активизации пространственного ресурса национального развития, является дихотомический подход. А следовательно, национальная стратегия пространственного развития может и должна быть единственной стратегией, которая разрабатывается и реализуется как инструмент реализации «вертикальных» задач и приоритетов государства и общества в рамках этой стратегии. Конечно, важнейшей составной частью национальной пространственной стратегии является система приоритетов в отношении к отдельным регионам страны, которые по различным причинам геостратегического, геоэкономического, социального, экологического, гуманитарного характера признаются на том или ином временном отрезке ключевыми и для которых формируется отдельная финансовая и институциональная «повестка дня». Для таких регионов и именно для этих временных отрезков возможны и желательны региональные стратегии развития.

Собственно же экономическое развитие в регионах осуществляется в рамках стратегий развития экономических агентов, функционирующих и встраивающихся в территориальный социально-экономический комплекс и осуществляющих горизонтальные взаимодействия, формирующие сетевую структуру региональной экономической жизни. Следовательно, каких-либо обязательных и строго регламентированных по периодичности и составу стратегий развития для регионов, за исключением вышеупомянутых «национальных приоритетов», в общем случае не должно быть. Вернее, надобность или ненужность подобных документов определяется самим регионом, формирующейся в нем ситуацией, наличием общественных амбиций, возникновением «узких мест» и диспропорций в функционировании собственно сетевых бизнес-структур или социальных систем.

Следовательно, важнейшей стратегической задачей для каждого конкретного региона становится возможность для каждого из экономических агентов и для регионального бизнес-сообщества в целом максимально эффективно реализовать локальные стратегии развития, что и позволит добиться максимального предельного совокупного эффекта в целом по региону.

Таким образом, национальная стратегия пространственного развития должна быть сосредоточена на определении приоритетных для данного времени регионов/территориях, где могут или должны сконцентрироваться ограниченные ресурсы бюджета для решения важнейших инфраструктурных, социальных, геостратегических задач, где должны и могут быть созданы приоритетные институциональные режимы. Региональные стратегии, при необходимости их разработки для «неприоритетных» регионов, должны сосредоточиться на концентрации финансовых и институциональных ресурсов для создания максимально комфортных условий для увеличения

количества и роста эффективности функционирования экономических агентов на соответствующей территории. А корпоративные стратегии будут и должны преследовать цель извлечения максимально возможного при существующих ресурсах, ограничениях и конкуренции со стороны других агентов рынка (как в регионе, так и вне его) дохода и максимально быстрого роста стоимости своих активов. Последнее как раз и даст рост занятости, совокупного дохода, налоговых поступлений в бюджеты и пр. Такая система стратегического планирования реализует столь любимый и госуправленцами, и экспертами принцип частно-государственного партнерства, при котором становится ясна роль и частного, и государственного, и партнерства.

Следовательно, возвращаясь к тезису о роли пространства в решении проблем экономического развития, приходится констатировать, что пространство способно играть роль дополнительного фактора активизации национальной макроэкономической динамики в случае, если в регионах будет максимально улучшена инвестиционная ситуация и создан режим наибольшего благоприятствования для функционирующих экономических агентов. Однако существуют три принципиальных препятствия для этого.

Во-первых, усилия самих регионов совершенно недостаточны для создания климата наибольшего благоприятствования. В регионах может быть только в некоторой степени усилен или ослаблен общий национальный режим для инвесторов и функционирующих предпринимателей. Поэтому важнейшее условие позитивного влияния пространственного фактора на экономический рост и модернизацию экономики – изменение общей экономической парадигмы в России: лозунг «через макроэкономическую стабильность к росту и модернизации» должен смениться лозунгом «через предпринимательский и инвестиционный динамизм к макроэкономическому равновесию».

Во-вторых, если в макроэкономическом смысле можно некоторое (и даже довольно длительное, как показывает история) время выдавать за ведущие к экономическому росту инвестиции общие потоки капитала, то при рассмотрении пространственного аспекта экономики становится очевидна иллюзорность этого статистического фокуса. На уровне регионов очевидной является необходимость реальных инвестиций, которые есть не только, а часто даже не столько деньги, сколько реальные технологии, оборудование, квалификация персонала, управленческие навыки. А это невозможно получить без реального прямого иностранного инвестирования. Поэтому лозунг «через импортозамещение к независимости» в реальном пространстве должен модифицироваться в лозунг «через импорт лучшего к независимости от собственного плохого». И тогда следующим шагом вполне реально будет вытеснение посредственного импортного превосходным отечественным.

В-третьих, призывы и благие пожелания активизировать деятельность рыночных экономических агентов на территории останутся не более чем пожеланиями, а призванные стимулировать эту активность институциональные и финансовые инструменты не дадут никакого результата без еще одного концептуального изменения – отказа от лидирующей роли в национальной экономике государственного спроса, то есть без нового витка разгосударствления.

Выполнение этих трех условий возможно только в рамках национальной стратегии модернизации не просто экономической политики, но экономического мышления. Если такая модернизация состоится, то вышеописанная структура стратегического пространственного планирования сможет работать и, вполне вероятно, действительно имеет шанс придать дополнительный импульс национальной экономической динамике. Состоится ли она?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Система ГАРАНТ.

INSTITUTIONAL REFLECTION OF SPATIAL DEVELOPMENT

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Doctor of Economics, Professor, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

The article discusses the role of space in addressing issues of economic development. The author states the fact that space can be an additional factor of strengthening the national macroeconomic dynamics in the case that the regions will significantly improve their investment situation and implement the most favored measures for functioning economic agents. This requires overcoming three fundamental limitations: a) changes in the general economic paradigm in Russia; b) the need for real investments at the regional level; and c) refusing the leading role of the government demand in the national economy.

Keywords: spatial resource, national economic development, dichotomous approach, national spatial strategy, Russia.

REFERENCES

1. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays in Spatial Economics*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2014, 272 p. (In Russian).

2. *On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law from June 28, 2014, No. 172-FZ.* System GARANT. (In Russian).